

## ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. П. ЕВГЕНЬЕВА

(ЛЕНИНГРАД)

### К ВОПРОСУ О ТИПЕ ОДНОТОМНОГО ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ \*

1

В статье «О трех типах толковых словарей...» С. И. Ожегов, кратко изложив историю русской лексикографии советской эпохи, писал: «Подводя итоги, следует признать, что в области общих словарей языка русская советская лексикография, используя богатый опыт дореволюционной лексикографии, достигла известных положительных результатов. Практически созданы и теоретически намечены три основных типа нормативных общих словарей русского языка: б о л ь ш о й, представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе; с р е д - н и й, с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка, и, наконец, к р а т к и й, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи»<sup>1</sup>. Далее автор перечисляет те вопросы современной лексикографии, от различного решения которых зависит тот или иной тип словаря: 1) лексический состав и принципы отбора лексики для словаря, 2) проблема омонимии в современном языке, 3) классификация и определения значений, 4) стилистическая характеристика слов, 5) грамматическая, произносительная и акцентологическая характеристика слов. С. И. Ожегов в своей статье высказывает ряд соображений лишь по первому вопросу, а остальные только указывает. Более подробно он освещает особенности «большого» словаря, характеризуя «малый» и «средний» по линии противопоставления их «большому».

\* О т р е д а к ц и и. Придавая большое значение вопросам теории и практики составления толковых словарей языков народов Советского Союза и прежде всего толковых словарей русского языка, редакция открывает статьей А. П. Евгеньевой, а также публикуемой в этом же номере журнала рецензией Р. Р. Гельгардта обсуждение достоинств и недостатков недавно вышедшего в свет вторым изданием однотомного «Словаря русского языка» С. И. Ожегова — в свете основных задач советской лексикографии. Приглашая широкие слои читателей нашего журнала принять участие в этом обсуждении, редакция надеется, что свободный обмен мнениями окажет благотворное влияние на развитие и усовершенствование теории и практики нашей отечественной лексикографии.

<sup>1</sup> С. И. О ж е г о в, О трех типах толковых словарей современного русского языка, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 2, стр. 91—92.

В 1952 г. вышел вторым изданием однотомный «Словарь русского языка», составленный С. И. Ожеговым<sup>2</sup>, который следует рассматривать как практическое осуществление принципов, выдвинутых автором во введении к словарю, а также и в названной выше статье<sup>3</sup>. «Однотомный словарь русского языка, — пишет С. И. Ожегов во введении, — является руководством к правильному употреблению слов, к правильному образованию их форм, к правильному произношению, а также к правильному написанию слов в современном русском литературном языке» (стр. 4). Он «представляет собой общедоступное пособие, которое призвано содействовать повышению культуры речи, изучению и пониманию (разрядка наша. — А. Е.) современного русского литературного языка» (стр. 3). В статье о трех типах словарей однотомный словарь определяется как «строго нормативный, краткий словарь» (стр. 103); «чисто нормативный» (стр. 96), он (как и два других словаря) должен явиться «мощным средством распространения углубленных знаний о русском языке, о его богатстве и выразительности, средством, облегчающим непосредственное общение между братскими народами Советского Союза, мощным средством для повышения культуры речи» (стр. 103).

Такие широкие и важные задачи, массовый характер однотомного словаря (он выходит в сотнях тысяч экземпляров, им широко пользуются в наших национальных республиках и в странах народной демократии) обуславливают его исключительное значение и налагают на составителя большую ответственность.

Нужда в массовом, общедоступном словаре русского языка огромна, поэтому как первое, так и второе издание «Словаря русского языка» было встречено очень горячо. Сейчас нужны новые его издания, так как второе уже разошлось. Автор словаря сделал большое и важное дело. «Выход в свет большого однотомного словаря русского языка, охватывающего учетом и краткими определениями 51 533 слова, является выдающимся событием нашей культурной жизни», — пишет один из рецензентов словаря<sup>4</sup>.

Второе издание «Словаря русского языка» значительно отличается от первого. Оно не только пополнилось в своем лексическом составе, но в него внесены значительные изменения.

Исправлены многие определения, переработан ряд словарных статей, пересмотрена и значительно расширена стилистическая характеристика слов, заменены неудачные иллюстрации, сделано перераспределение фразеологического материала, проведена работа по расположению производных и ссылочных слов, сняты этимологические пометы.

Для решения труднейшей задачи создания краткого однотомного нормативного словаря современного русского литературного языка автор

<sup>2</sup> Словарь русского языка. 52 000 слов. Сост. С. И. Ожегов. Под общ. ред. С. П. Обнорского. 2-е изд., испр. и доп. (Научно-лексикологическая редакция 2-го издания проведена канд. филол. наук Н. Ю. Шведовой.) М., Изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 848 стр. (146,2 уч.-изд. л.). Тираж 150 000 экз. Ср. первое издание: Словарь русского языка. 50 000 слов. Сост. С. И. Ожегов. Глав. ред. С. П. Обнорский. М., Изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. 968 стр. (127 уч.-изд. л.). (Ин-т русского языка АН СССР). Тираж 100 000 экз.

Указания на страницы 2-го издания словаря, а также на страницы статьи С. И. Ожегова в дальнейшем даются в тексте в скобках.

<sup>3</sup> Мы рассматриваем статью С. И. Ожегова как изложение принципов, которыми он руководствовался в своей работе, потому что статья появилась на несколько месяцев раньше 2-го издания словаря, следовательно, была написана одновременно или сразу же по окончании работы над словарем.

<sup>4</sup> А. Ды м ш и ц, Заметки на полях словаря, «Новый мир», М., 1953, № 1, стр. 277—278; см. также рецензию Н. Ю. Шведовой на первое издание словаря (Н. Ю. Ш в е д о в а, Словарь русского языка, «Советская книга», М., 1949, № 10, стр. 93—99).

проделал огромную работу. Выдвинув в качестве главной задачи уточнение норм современной литературной русской речи, С. И. Ожегов стремился найти наиболее верные пути к ее разрешению. Поиски этих путей, выработка принципов построения словаря нашли отражение как в самом словаре, так и во вводной его части и в названной выше статье. Основные и общие положения автора не вызывают возражений. Однако, несмотря на большую работу, сделанную им по исправлению недочетов, имевшихся в первом издании, по усовершенствованию словаря в целом, второе его издание все еще не свободно от недостатков. Самым существенным из них следует признать прежде всего непоследовательность автора в применении своих принципов. От этой непоследовательности и зависят многие промахи и ошибки в словаре.

Теория должна органически сочетаться с практическим осуществлением основных ее принципов. В области составления толковых словарей это особенно важно. Здесь могут убедить читателя лишь самые способы реализации и конкретизации общих принципов. Поэтому при анализе словаря, составленного С. И. Ожеговым, прежде всего целесообразно поставить вопрос о том, в какой мере и как осуществляется в структуре этого словаря единство лексикографической теории и практики, в каких отношениях и направлениях наблюдается разрыв между выдвинутыми принципами и их применением и какими причинами вызваны эти отклонения от правильного пути <sup>5</sup>.

## 2

Однотомный словарь «не ставит себе задачей отразить все многообразие словарного состава современного литературного языка и охватывает только наиболее существенные его части», — пишет автор (стр. 4). В свете этого совершенно правильного положения вопрос отбора лексики для однотомного нормативного словаря приобретает исключительно важное значение, так как задача заключается не только в том, чтобы представить лексический состав с точки зрения нормы современного литературного языка (путем соответствующего подбора слов и помет при определенных группах слов), но и в том, чтобы из лексического состава выделить действительно наиболее существенные и важные в настоящее время части.

Над разрешением этой трудной задачи автор очень много работал, но даже второе издание словаря нельзя признать «строго нормативным» по отношению к словарному составу литературного языка, нельзя согласиться также, что в нем с нужной точностью и нужной полнотой (для однотомного словаря) отражены наиболее существенные части лексического состава литературного языка. Во втором издании многого недостает из современной лексики и в то же время в нем много лишнего, не только неактуального, но и лежащего за пределами нормы литературного языка.

Однотомный словарь рассчитан на самые широкие круги читателей, следовательно, в нем должна быть представлена общеупотребительная, отражающая разные стороны нашей жизни лексика, причем чрезвычайно серьезным в данном случае является вопрос о наиболее подвижной части словарного состава, т. е. той его части, в которой с предельной яркостью отражаются различные изменения, происходящие в нашей жизни. В словарь должно войти то, что приобретает в наши дни особенно широкое значение, к чему приковывается внимание широчайших масс, что становится неотъемлемой частью нашей действительности и характеризует ее. Некоторые из таких слов «навсегда» или очень надолго останутся в литера-

<sup>5</sup> В подготовке материала, использованного автором статьи, принимали участие научные сотрудники Словарного сектора Института языкознания АН СССР т.т. С. Ф. Геккер, И. И. Матвеев, Г. П. Князькова и Л. Л. Кутина.

турном языке, другие уйдут из него или переместятся из общелитературного языка в специальные, профессиональные группы слов. Но словарь, отражающий с о в р е м е н н ы й лексический состав, должен охватить с возможной полнотой наиболее употребительные в настоящее время слова.

В однотомном словаре с этой точки зрения имеются значительные промахи и недочеты. Приведем некоторые примеры. Каждое предприятие, каждый член производственного коллектива заинтересован в среднесуточной (среднемесячной, среднегодовой) выработке, добыче и т. п. *Среднесуточный, среднегодовой* — слова широкого употребления, однако слово *среднесуточный* отсутствует в однотомном словаре, а слово *среднегодовой* приведено очень неудачно в качестве примера в словарной статье: «Средне... Первая часть сложных слов в знач. средний...» в одном ряду со словами *среднерусский* и *средневолевой*.

В словаре нет таких широко распространенных сейчас слов, как *наращивание* (наращивание производственных мощностей), *ознаменование* (в ознаменование чего-нибудь)<sup>6</sup>, *поточно-комплексный* (метод), *бульдозер* и др. В нем также нет целого ряда слов, с которыми мы встречаемся в «Кратком курсе истории ВКП(б)», в сочинениях В. И. Ленина и И. В. Сталина, в нашей общественно-политической литературе, в газетах, журналах и т. д.

Мы имеем в виду не узко специализированные термины, а слова и термины широкого употребления, а также книжную широкоупотребительную лексику, например: *обусловленность, неизменяемость, отличие* (для отличия реального и фиктивного), *эмпириокритический* (эмпириокритическая философия), *продуманность, неразложимый* (неразложимые состояния сознания), *протаскивание* (фидеизма), *спутыванье* (бесвязное спутыванье противоположных философских точек зрения), *блуждание* (идеалистические блуждания), *убавление* (движения), *агрегатный* (агрегатное состояние), *научно-философский* и т. д.

Во вступительной статье ко второму изданию словаря С. И. Ожегов писал: «При переработке Словаря автор исходил из положения о том, что словарный состав языка находится в состоянии непрерывного развития. С этой точки зрения был пересмотрен как состав слов в Словаре, так и определения значений с тем, чтобы Словарь полнее и точнее отразил современное состояние русского литературного языка. Включены новые слова и выражения, появившиеся за последние годы и получившие общенародное распространение» (стр. 3). В словарь, действительно, введено много новых слов, появившихся в связи с ростом и развитием нашей страны, например: *аэрация, аэронавигация, аэровокзал, лесозащитный, лесопосадочный, маркировать, опытник, овощевод, отчетно-выборный, электропахота, электроплуг, электротрактор* и др. Однако в словаре нет таких слов, как *электросушилка, электродойка, узкорядный* (посев), *внутрихозяйственный, артезианский* (артезианские воды), *электросеть, теплосеть, теплоцентральный, спектроскоп, гипертонический* и др., которые по своей употребительности и широте распространения ничем не отличаются от приведенных выше. Из того, как включаются во второе издание и как исключаются из него слова (по сравнению с первым изданием), нельзя понять позиций составителя. Почему, например, исключены слова *пирамидон, перистальтика, перитонит*, но введены *пенициллин, пигментация*?

В словарном составе современного литературного языка в связи с бурным развитием науки и техники, в связи с расцветом культуры особое

<sup>6</sup> В словарной статье на глагол *нарастить* даны: несов. *наращивать*, сущ. *наращивание*. Существительные на *-ение, -ание* даются в словаре редко, но даны, например, при *обвести* — *обведение*, при *обладеть* — *обладение* и т. д.

место занимает специальная и терминологическая лексика: она приобрела несравнимо более широкое распространение и употребление, чем в предшествующие эпохи. С. И. Ожегов правильно определяет в статье принцип отбора терминов: «...решающим моментом для отбора терминов, — пишет он, — должна быть не важность термина в системе понятий данной науки или отрасли техники, а его общественная роль» (стр. 100). Однако в словаре автор далеко не всегда реализует это совершенно правильное положение.

Совершенно очевидно, что С. И. Ожегова не удовлетворял лексический состав первого издания словаря<sup>7</sup>, поэтому он предпринимает широкий пересмотр всего словника. Автор включает во второе издание названия народов, населяющих Советский Союз, и названия народов, игравших роль в мировой истории, включает слова самого различного характера, принадлежащие к разным стилям и жанрам речи, к разным областям словопотребления (*ландтаг, ледоруб, острокопечный, отводок, одножласный* и др.), но наряду со словами литературного языка, действительно жизненными и нужными, он вводит во второе издание слова, которые сам сопровождает пометами «просторечное», «бранное», «презрительное», «неодобрительное», «устарелое» и т. д. Приведем некоторые из них: *антимония* (разводить антимонии), *камергерский, камер-юнкерский, пижонский, баракло, манатки, буржуйка*<sup>1</sup> (печка-временка), *крепки* (игра в шашки), *нэпман, нэпманша, нэпманский, манка* (манная крупа), *хлебово, хрячок, вкусовщина, ага* (в значении «да»), *пока* (в значении «до свидания»), *того* (межд.), *чего* (зачем, почему), *бабник, балбес, брехун, вертихвостка, вахлак, луноглазый, ободранец, оболтус, остолоп, пентюх, шматок, танцулька, заворошка, лопать* (есть), *обхохотаться, обхохотываться, сбрезнуть, сдохнуть, сигануть, фырчать, хлобыстать, чебурахнуть, шарahnуть, шастать, шкода, шкодить, шмякнуть, очуметь, очухаться, шпынять, шунять, липа*<sup>2</sup> (фальшивка, подделка), *пушка*<sup>2</sup> (вранье, ложь), *лафитник* (рюмка), *посошок* (рюмка водки), *вдрызг, аварийщик, буза*<sup>2</sup> (шум, скандал), *бузить, бузотёр, бузотёрка, каталажка, упереть* (украсть), *карманник, лагерник, шатия, шпана, шантрапа, шушера, испохабить, паршивец, паскудный, хайло, харя, чертовка, чёртова перечница, хапуга, хапать, хамить, хаметь, охаметь, хлюст, кафешантанный, публичная женщина, публичный дом* и т. д. и т. п.<sup>8</sup>

Такие слова не отражают и не могут отражать современного состояния русского литературного языка, потому, во-первых, что сомнительна принадлежность многих из них к литературному языку, а во-вторых, потому, что многие из них уже отмирают в языке. Одна из задач словаря, о которой говорит автор, — «содействовать повышению культуры». Включение в словарь подобных слов противоречит этой задаче. Нам кажется, что не только названные слова, но и такие, как *подзабыть, подзакусить, поднажать, подкачать* и т. д., с большой осторожностью должны включаться в однотоминый словарь.

В § 2 введения к словарю сказано, что в него «как правило», не помещаются «слова с явно выраженным грубым оттенком» (стр. 4). Однако в словаре немало таких слов, как *обормот, сволочь, сволочной, прохвост,*

<sup>7</sup> В рецензиях на первое издание был сделан целый ряд замечаний по поводу состава словаря (см. указ. рец. Н. Ю. Шведовой и рец. Н. Родионова «Об одном неудачном словаре», «Культура и жизнь» 11 июня 1950 г.).

<sup>8</sup> Иногда автор вводит большие группы просторечных и жаргонных синонимов к словам нейтральным, общелитературным. Например, в дополнение к словам *бить, ударить* (в значении «наносить, нанести побою, удары»), во второе издание введены следующие синонимы: *заежать* (в физиономию), *огреть, садануть, дубасить, колосматить, лупить*<sup>2</sup>, *лупцевать, отдуть, отдубасить, отколошматить, отлупить, отлупцевать, отщёлкать и отщелкать* и т. д.

*стервец, прохвостка, хрыч, хрычовка, хайло* и т. п. Какие же слова составитель словаря считает «словами с явно выраженным грубым оттенком»? При обилии просторечных, жаргонных и разговорных вариантов слов, которые не так уж часто употребляются в литературном языке, в словаре нет многих общераспространенных слов (в особенности производных, о которых см. ниже).

Во второе издание в соответствии с введением к словарю, в котором говорится, что «значительно расширен круг сложносокращенных слов из числа тех, которые имеют общенародное употребление», автор ввел целый ряд общеупотребительных сложносокращенных слов, однако мы не найдем здесь слов: *ГЭС, земснаряд, АССР, ГорОНО, сельпо* и др.<sup>9</sup>

Несколько лучше обстоит дело с исключением из второго издания некоторых слов, имевшихся в первом издании. Исключение, так же как и пополнение, затрагивает весь состав словаря: исключаются не только «устарелые» слова, но и слова, не имеющие широкого употребления, а также термины и слова, имеющие специальный, ограниченный характер (*лимб, лактоза, ландо, лапсье, лаж, лампион, лапсердак, мономания* и др.). Но и здесь не всегда кажутся оправданными исключения, в особенности в отношении некоторых широко распространенных терминов (*пирамидон, полифония*<sup>10</sup>, *марина* и др.). Не все действительно устарелые слова исключены из словаря, хотя автор и заявляет во введении, что из второго издания исключены те слова, «о которых можно сказать, что они выпали из словарного состава и не входят даже в пассивный словарный запас говорящих» (стр. 3). Но разве не к таким словам относятся, например, слова *тулумбас, чресла*? Устарелыми и едва ли нужными в кратком нормативном словаре являются и такие слова, как *арбалет, бердыш, берковец, блудница, архалук, афронт, ассессор, валютчик* (в период нэпа: спекулянт иностранной валютой), *кочедык* (шило для плетения лаштей), *жосуля*<sup>2</sup> (в старину род сохи), *ханжа*<sup>2</sup> (китайская хлебная водка), *суля, сулейка, предстатель, пророчица, осанна, твердь, мание, понтёр, понтировать, спонтировать, понтировка, погибельный* и т. д. и т. п.

В статье, напечатанной в журнале «Вопросы языкознания», и во введении к словарю С. И. Ожегов высказал ряд положений по вопросу об отборе лексики. Он писал: «Краткий словарь обнимает активный запас современной лексики с привлечением той лексики пассивного запаса, которая необходима с той или иной точки зрения для характеристики современного языка» (указ. статья, стр. 100). Переработку первого издания автор предпринял для того, «чтобы Словарь полнее и точнее отразил современное состояние русского литературного языка» (стр. 3). В строго нормативном кратком словаре, который, по словам автора, призван «содействовать повышению культуры речи, изучению и пониманию современного русского литературного языка» (стр. 3), просторечная, областная и жаргонная лексика должна быть представлена в крайне ограниченном

<sup>9</sup> Приведены также сокращения некоторых слов, употребляемые в сложных словах, например, *ком...*, *фаб...*, но они иногда недостаточно разъясняются. *Фаб...* определяется так: «Сокращение, употр. в сложных словах в знач. фабричный, напр., *фабком, фабзавком, фабзавуч*. Но что значит сложносокращенное слово *фабзавуч*, узнать из словаря нельзя, так как определения этого слова в нем нет, так же, как нет толкований прочих составляющих его компонентов. *Ком...*, по толкованию словаря, есть сокращение, употребляемое в сложных словах в значении: 1) коммунистический, 2) командный, 3) командир. Но ни одно из этих определений не объясняет второй сокращенной части, например, в словах *фабком* (комитет) или *военком* (комиссар).

<sup>10</sup> В словаре дается *поли...* как первая часть сложных слов, но второй части слова нет.

объеме, поэтому пополнение словника второго издания большим количеством просторечных, бранных и жаргонных слов совершенно непонятно и ничем не оправдано.<sup>11</sup>

Вопрос о норме и нормативности в отношении словарного состава языка С. И. Ожегов ставит в своей статье в общей, но ясной форме: «...норма есть система наиболее пригодных („правильных“, „предпочитаемых“) для обслуживания общества средств языка, система, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, производительных, морфологических, синтаксических) из числа существующих, наличествующих, образуемых или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов» (стр. 94). Опираясь на это положение, автор должен был с особым вниманием отнестись к тем разрядам слов, которые стоят на границе литературного языка, т. е. к некоторым группам просторечных и областных слов, имеющих широкое распространение, и произвести более строгий отбор из них. Безусловно, неуместны в одномтомном словаре жаргонизмы, а они иногда введены и скрыты под двойными пометами «просторечное» или «презрительное» или «неодобрительное», «бранное» и т. п. (см., например, пометы к словам *липа*<sup>2</sup>, *шпана*).

Стремясь к осуществлению своей главной задачи — к уточнению норм современной литературной речи, автор придает большое значение стилистической характеристике слов<sup>12</sup>. Второе издание словаря резко отличается в этом отношении от первого: С. И. Ожегов вводит новые пометы (просторечное, высокое, книжное, официальное) и очень широко пользуется стилистической характеристикой, сопровождая пометами не только вновь вводимую лексику, но и лексику, которая не имела помет в первом издании (ср., например, слова на букву *Л* в первом и втором изданиях: *лабаз, лавочник, лад, ладиться, ладья, лаз, лазурный, лазурь, лазутчик, лапидарный, ледоруб* и т. д.).

При той важной роли, которую должны выполнять по замыслу автора стилистические пометы в деле нормализации употребления лексики, казалось бы естественным при характеристике помет «просторечное» и «областное» указать, что они имеют, кроме стилистического, еще и предостерегающее (а в некоторых случаях и запретительное) значение (как сделано это, например, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова). Но С. И. Ожегов выдвигает в качестве основания для включения в литературную речь (а следовательно, и в однотомный словарь) просторечных и областных слов лишь употребление их в качестве стилистического средства (см. § 16, стр. 6). Это положение, верное для большей части встречающихся в современной литературной речи просторечных и областных слов, приобретает поощрительный характер, если не будет иметь соответствующего объяснения или уточнения. Кроме того, для целого ряда слов, введенных во второе издание словаря, это положение неприменимо: трудно представить

<sup>11</sup> Автор значительно **пополнил**, например, словник на букву *О*, но наряду с действительно необходимыми и широко употребительными словами: *обком, облизполком, общенародный, общесоюзный, овецествовать, отборочный, отчетно-выборный, организационный, однотипный, обезгазывать, овощевод, овцевод* и т. д. — он дал большое количество слов бранных, просторечных и областных: *охлальник, охальный, охальничать, очумелый, очухаться, отчихаться, околачиваться, обзвонить* (позвонить многим), *обдохотаться, обдохотываться, обыскаться, обалделый, обалдеть, оболванить, обдурить, обдуть<sup>2</sup>, обжулить, околачить, облапошить, отбрить* (резко или оскорбительно ответить кому-нибудь, отказывая...), *обстряпать* (выгодно устроить, завершить), *охаживать и обхаживать, отколупать, оттяпать, осерчать, обука, ой-ли, оболтус, оборотом, ободранец, олуж, остолоп* и т. д.

<sup>12</sup> Вопрос о стилистической характеристике слов в толковых словарях русского языка представляет особый интерес. Он должен быть освещен в специальной статье.

себе современного писателя, который бы в авторской речи (и даже в речи своих героев) допустил в качестве «стилистического средства» такие слова, как приведенные выше *испохабить*, *паскудный*, *обормот*, *обхохотываться*, *хайло*, *охамень*, *чебурахнуться* и т. п.

Нам кажется, что переработка первого издания со стороны егоownika еще не привела к желаемым результатам и вопрос о том, как понимать нормативность для однотоминого словаря, практически не разрешен.

## 3

Особо следует остановиться на том, что в подборе лексики для однотоминого словаря представляется чрезвычайную трудность. Тип краткого словаря не дает возможности включить всю «нейтральную» лексику литературного языка. Значительные сокращения лексики, даже в более обширных словарях, всегда идут по линии производных слов. Тем ббльшие сокращения в этой области должны быть сделаны в кратком словаре.

С. И. Ожегов в статье «О трех типах толковых словарей» коснулся проблемы отбора производных слов для словаря только с точки зрения его нормативности, в отношении включения в словарь словообразовательных параллелей одного и того же слова. Между тем здесь два очень важных вопроса: во-первых, вопрос о параллельных образованиях (*порывистый* и *порывчатый*, *дипломник* и *дипломант* и т. п.), во-вторых, вопрос о легко образуемых и легко понимаемых производных словах: а) о словах, имеющих одну основу, например, *лицевать*, *перелицевать*, *перелицовывать*, *перелицовка*, *перелицовывание* и т. п.; б) об однотоминых суффиксальных и префиксальных образованиях, например, существительных на *-тель*, *-ник*, *-ение* и т. п. По поводу первого вопроса С. И. Ожегов пишет: «...для среднего и краткого словарей (чисто нормативных), отражающих сравнительно ограниченный этап развития словарного состава, дело отбора словообразовательно параллельной лексики представляется более или менее ясным...» (указ. статья, стр. 96). И далее: «Ясно, что краткий словарь нормативного типа включает только одну, активную форму параллели, сообразуясь вообще с лексической значимостью параллельных образований. Нормативный словарь среднего типа может расширить круг параллелей включением стилистически отличающихся форм» (там же, стр. 97). Хотя примеры, которыми С. И. Ожегов иллюстрирует свое положение (*дипломник* — *дипломант*, *проектировщик* — *проектант*, *порывчатый* — *порывистый* и т. д.), взяты им из однотоминого словаря, однако они не могут служить доказательством того, что автор всегда руководствовался высказанным принципом, потому что в целом ряде случаев он решил вопрос иначе. Например, в дополнение к «активным формам параллелей» во второе издание словаря вводятся с различными пометами следующие слова: *жарынь* (прост.) — к *жара*; *посереду* (прост.) и *посередке* (прост.) — к *посередине*; *молодчага* (прост.) — к *молодчина*; *обувка* (прост.) — к *обувь* и др.

Иногда автор вводит во второе издание параллели не только к литературным, но и к областным словам; так, к областному слову *молодица* вводятся *молодка* (обл.) и *молодуха* (обл.); ср. также две просторечные «параллели» *мосол* и *мослак* и т. п. Положению автора о выборе для словаря «активной параллели» противоречит в ряде случаев отсутствие в словаре форм «вторичного» несовершенного вида от приставочных глаголов совершенного вида (*брошировать* — *сброшировать* — *сброшировывать*), так как эти формы не только очень употребительны, но в большинстве случаев имеют семантические отличия, а также свои производные (об этих случаях см. ниже).

Второй вопрос — о «легко образуемых» производных словах решается в однотономном словаре очень сложно и связан с расположением в нем словарного материала. Автор применил в словаре частичный гнездовой принцип. «Гнезда» довольно разнообразны, их перечень (9 видов) и характеристика даны в § 4 введения (стр. 4—5). Совершенно естественно, что весьма значительное количество групп производных слов не вошло в гнезда, а дано в самостоятельных статьях. Таким образом, получились две категории с очень сложными отношениями в общей лексической системе: 1) группы однотипных суффиксальных и префиксальных образований, которые как наиболее употребительные или входят в словарь в виде самостоятельных статей, или остаются за его пределами, если они не имеют широкого распространения в языке, и 2) группы различных суффиксальных и префиксальных образований, судьба которых в словаре неодинакова: а) слово не включается в словарь как «легко образуемое» и не имеющее «устойчивого широкого распространения в языке» (§ 6, стр. 4—5); б) слово помещается в гнезде «под основным словом» и не толкуется, потому что «новый смысловой оттенок создается только в связи с принадлежностью производного слова к иной грамматической категории по сравнению с основным словом» (§ 4, стр. 4); в) слово дается в самостоятельной словарной статье, если оно имеет «иные, новые значения, не вытекающие непосредственно из грамматико-смысловых связей с основным словом» (§ 5, стр. 4). Такое расположение затрудняет нахождение слова и его понимание, так как в гнезде не даются толкования производных, а некоторые гнезда бывают сложными. Так, при глаголах приводятся не только их видовые соответствия, но и существительные и прилагательные, например: «Грузить... || сов. *загрузить* (к 1 знач.), *нагрузить* (к 1 знач.) и *погрузить* (ко 2 знач.); сущ. *погрузка*; прил. *погрузочный*». Мы не затрагиваем здесь общих вопросов гнездования, так как в данном случае нас интересует только лексический состав словаря.

Просмотр состава «легко образуемых» производных слов (самостоятельных статей, ссылочных статей, слов в гнездах), включенных в словарь, показывает, что и здесь автор часто был непоследователен в соблюдении своих принципов. Градация производных слов по принципу их размещения в «строго нормативном» словаре является одновременно указанием на широту их распространения и возможность употребления. Принципом введения в словарь производных слов (и их словообразовательных параллелей), как и всех других слов, может быть лишь степень их актуальности в языке и их «лексическая значимость». Нет никаких сомнений в том, что общественная значимость таких слов, как *обусловленность*, *неизменяемость*, *продуманность*, *блуждание*, *протаскивание*, *непонимание*, *нерешенность*, *неограниченность*, *ознаменование* (чего-нибудь); *неразложимый*, *неограниченный*, *неуверенный*; *спутываться* и т. д. — значительно выше, чем таких слов, как *умаление* (умалить), *облачение* (облачить), *поение* (поить), *передание*, *обведение*, *обесцвечение*, *улюлюкание*; *вилочный*, *бальзамный*, *балюстрадный*; *обхохотываться* и т. д. Однако последние введены в словарь, а первых в нем нет.

Отсутствие в «Словаре русского языка» целого ряда слов из актуальной современной лексики объясняется также и тем, что автор часто становится на позицию только грамматико-смысловых связей и отношений. По принятым в словаре правилам в нем не помещаются отдельными статьями причастия<sup>13</sup> (например, *обусловленный*, *продуманный*), следовательно,

<sup>13</sup> Отступления делаются лишь для наиболее употребительных, стоящих на грани с прилагательными или перешедших в прилагательные, но и здесь автор крайне непоследователен.

нет и производных от них (*обусловленность, продуманность*); не всегда даются различные видовые варианты глаголов, например, нет глаголов *спутывать, спутываться*, следовательно, нет и существительного *спутывание* и т. д. Это объясняется отчасти сложной системой расположения материала и ссылочных отношений, обусловленных гнездованием. Слова при этом иногда «теряются» и даже совсем «исчезают» из словаря. В некоторых случаях по непонятной причине в гнезде отсутствуют те или иные производные слова, хотя при равных основаниях в других гнездах даются подобные.

Гнездовой принцип спутывает в словаре картину лексического состава современного языка, из которого, по словам автора, в однотоном словаре представлены «наиболее существенные части». Если некоторые слова «исчезают», благодаря тому что в словаре не приводится их «основное» слово, а другие «теряются», потому что даются под «основным» словом, от которого они отделены промежуточными звеньями, то во многих случаях одно и то же слово приводится в словаре два и даже три раза. Это особенно характерно для отглагольных существительных (на *-ние, -ка, -ёж* и т. п.). Например, существительное *загрязнение* дано в словаре два раза, но найти его не так просто, потому что на алфавитном месте его нет. Оно дано в двух гнездах: при глаголе *грязнить* и при глаголе *грязниться*; существительное *нагромождение* дано два раза: на своем алфавитном месте (кроме значения действия, это слово имеет значение результата действия и поэтому выносится в самостоятельную статью) и при глаголе *громоздить*; существительное *спуск* дается три раза: на своем алфавитном месте и при глаголах *спустить* и *спуститься*, причем в этом случае получаются перекрестные ссылки на слова и значения.

Гораздо проще было бы на алфавитном месте при существительном *спуск* дать ту характеристику значений, которая дается ему в статьях на глаголы *спустить* и *спуститься*, чем три раза повторять одно и то же существительное с его грамматической характеристикой. Подобных случаев запутанных соотношений слов в самостоятельных словарных статьях со словами в гнездах очень много, причем повторения иногда захватывают не только грамматическую характеристику, но даже и иллюстрации. Например, слова *платеж* и *платежный* даны как самостоятельные статьи на своем алфавитном месте, и, кроме того, они входят в гнездо глагола *платить*, где слово *платежный* сопровождается той же иллюстрацией, что и в самостоятельной статье (*платежный день*).

Укажем еще одну особенность гнездования, принятого в словаре, в ряде случаев нарушающую реальную картину грамматико-смысловых связей и отношений лексической системы языка. Словарные статьи, как правило, даются на глагол совершенного вида, а несовершенный вид приводится в гнезде (*развить* — несов. *развивать*), но если глагол несовершенного вида имеет непроизводную основу, словарная статья дается при этом глаголе, а глаголы совершенного вида префиксального образования приводятся в гнезде<sup>14</sup>. Например, в гнезде на глагол *путать* даны приставочные глаголы *впутать, запутать, перепутать, спутать*. Но эти приставочные глаголы имеют соответственные пары несовершенного вида «вторичного образования» (*впутывать, запутывать, спутывать*), причем соотношение вторых пар (*спутать* — *спутывать, запутать* — *запутывать* или подобных им *нагреть* — *нагревать, обучить* — *обучать* и т. п.) в современном языке ощущается не менее сильно, чем первых пар (*путать* — *спутать, греть* — *нагреть, учить* — *обучить*). В словаре же

<sup>14</sup> См. в словаре глаголы *валить, гнуть, грузить, грязнить, твердеть, чинить* и т. п.

второе соотношение префиксальных глаголов между собой снято: приставочный глагол несовершенного вида «вторичного образования» выносится в отдельную словарную статью без соотнесения с глаголом, от которого он образован, и определяется при помощи однокоренного бесприставочного глагола (например: «Нагреть... Греть (в 3 знач.);» «Запутывать... Путать (в 1,2 знач.);» «Просверливать... Сверлить» и т. д. или «Унаваживать. То же, что навозить»)<sup>15</sup>.

На это в свое время указала Н. Ю. Шведова в рецензии на первое издание словаря<sup>16</sup>, но С. И. Ожегов и во втором издании оставил без изменения систему отношений приставочных глаголов несовершенного вида «вторичного образования»<sup>17</sup>. Правда, иногда автор отступает от принятой им «системы» и дает двойные соотношения глаголов (например: «Тащить... || сов. *вытащить*... и *стаскивать*»; «Вытащить... || несов. *вытаскивать*»; «Стаскивать... || несов. *стаскивать*»).

Разнообразное и непоследовательное размещение материала в гнездах и в самостоятельных статьях приводит к тому, что лексический состав словаря охватывается с трудом, а употребительность и актуальность многих производных слов представляются не всегда правильно. Особенно сложны гнезда на глаголы: в них даются не только видовые соответствия, но и существительные различного образования, как от «основного» глагола, так и от глаголов, приведенных в гнезде, а также и прилагательные от существительных. Благодаря этому получаются гнезда в несколько «ступеней» (*платить* — *платеж* — *платежный*; *грузить* — *погрузить* — *погрузка* — *погрузочный*; *привить* — *прививать* — *прививка* и *привитие* — *прививочный* и т. п.), со сложными ссылочными отношениями к самостоятельным статьям на приведенные в гнезде слова, а в ряде случаев с запутанной системой истолкования.

Когда в гнезде на глагол приводятся существительные, то обычно указывается, к какому значению глагола относится существительное, когда же в гнезде, кроме существительных, приводятся и прилагательные, то иногда и они оказываются отнесенными к тому или иному значению глагола. Так, в гнездах на глаголы *пить*, *платить*, *привить* и т. д. при прилагательных делаются указания: *питьевой* (к 2 знач.; устар.), *платежный* (к 1 знач.), *прививочный* (по 1,2 знач.; спец.) и т. д. Спрашивается, зачем нужно это соотношение (его, например, нет при прилагательном *погрузочный* в статье на глагол *грузить*) и почему в одном случае дается помета: (к 1, 2 и т. д. знач.), а в другом: (по 1,2 и т. д. знач.)?

Более «простые» гнезда — относительные прилагательные при существительных и существительные отвлеченного значения на *-ость*, *-ота*, *-изна* и т. п. при прилагательных — также часто служат основанием для того, чтобы слово было помещено в словаре дважды: 1) в гнезде и 2) на своем алфавитном месте, если оно имеет и другое значение, кроме отвлеченного значения качества (*независимость*, *неизвестность*, *неловкость*, *грубость*, *колкость*, *любезность*, *маневренность*, *чистота* и т. д. и т. п.). Следует отметить, что и здесь нет последовательности в соблюдении принципов, изложенных автором. Далеко не всегда существительное с отвлеченным значением качества приводится в гнезде, а прилагательное не всегда дается при существительном, причем оснований для такого различного размещения нет. Например, существительные *густота*, *добродота*, *нагота*, *простота*, *прямота* даны в статьях на соответствующие прилагательные (хотя *густой*, *простой* и существительные *густота*, *про-*

<sup>15</sup> См. также *обучать*, *согреть*, *увенчивать*, *упаковывать* и т. п.

<sup>16</sup> См. Н. Ю. Шведова, указ. рец., стр. 96.

<sup>17</sup> См. С. И. Ожегов, О трех типах толковых словарей..., стр. 97.

*стога* имеют сложную систему значений), в то время как существительные *немота*, *глухота*, *полнота* даны отдельными статьями.

Приведем еще один пример из группы производных слов. Однотипные суффиксальные и префиксальные образования в кратком нормативном словаре не могут быть даны полностью: приводятся наиболее распространенные, наиболее употребительные в современном языке. Автор ведет отбор по отношению к этим словам в двух направлениях: он включает наиболее употребительные слова и новые образования, вводя последние, может быть, без достаточной «строгости». Например, он дает *льготник*, *лагерник* и т. п., а из старых образований иногда сохраняет такие, которые не имеют ни широкого употребления, ни, тем более, общественной значимости, например: «*Кошати́на*... Мясо кошки как пища» и «*Человечи́на*... Труп человека или мясо его как пища диких зверей».

В современном русском языке интенсивно идет пополнение прилагательных за счет причастий. С. И. Ожегов дает в своем словаре ряд подобных прилагательных-причастий, но не последовательно и без достаточной полноты, а в некоторых случаях он «возвращает» прилагательное в «лоно» глагола, например, *вылитый* (сын — *вылитый* отец) дается в статье на глагол *вылить*. В словаре нет таких прилагательных (причастий), как *смущенный* (смущенная улыбка), *расстроенный* (вид), *удрученный*, *утомленный* (утомленное лицо), *обрызгший*, *опухший* (есть *обрызглый* и *опухлый*)<sup>18</sup> и многие другие. Можно указать также ряд пропусков среди широко употребительных наречий (которые, кстати сказать, не принадлежат к числу «легко образуемых», и поэтому не включаемых в словарь, т. е. наречий с окончаниями *-о*, *-е*, *-ски*, *-ьи*, *-ому* и т. д.; см. § 7 на стр. 5). Например, в словаре нет наречий *шепотом*<sup>19</sup>, *крошечку*, *лежа*, *сидя*, *неглядя*, *умеючи*, *припеваючи* и др., но есть: *капельку*, *чутьочку*, *молча*, *немедля*, *шутя*, *стоя*, *играючи* и др.

Нам кажется, что наиболее существенной причиной неудач и промахов не только в словнике однотомного словаря, но и в других его сторонах, несмотря на огромную работу, проделанную автором, является то обстоятельство, что, создавая свой однотомный словарь, С. И. Ожегов находился в большой зависимости от четырехтомного «Толкового словаря русского языка» (под ред. Д. Н. Ушакова), в составлении которого он в свое время принимал самое деятельное участие, являясь автором значительных его разделов.

Составление словаря — дело исключительной трудности как по количеству многообразных принципиальных вопросов, которые должны быть решены в нем, так и по объему работы, которая должна быть выполнена с исключительной тщательностью и кропотливостью. Тем большее значение имеет при этом использование существующей лексикографической традиции и накопленного опыта.

Общезвестно, что каждый последующий словарь опирается на предшествующие словари. И совершенно неизбежны и естественны совпадения (в особенности в наиболее близких по времени словарях) в подавляющей части лексического состава, в фразеологии, в толкованиях значений и т. д. — в этом отражается природа языка как общественного явления, отражаются особенности жизни и развития основного словарного фонда и

<sup>18</sup> Неясно, рассматривает ли С. И. Ожегов *обрызгший* и *опухший* в качестве причастий или считает их теми «стилистическими» вариантами, которые не должны вводиться в словарь, так как они менее употребительны, чем *обрызглый* и *опухлый*.

<sup>19</sup> В словарной статье на существительное *шепот* С. И. Ожегов приводит в качестве первого примера *говорит шепотом*, без какого-либо указания, что *шепотом* — наречие.

словарного состава языка. Но это не значит, что каждый последующий словарь повторяет предыдущий.

В одномтомном популярном словаре массового характера в гораздо большей мере, чем в каком-либо другом, должен быть использован материал предшествующих словарей, и поэтому естественно, что С. И. Ожегов в своей работе опирался на «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, последний том которого вышел в 1940 году. Однако типы и задачи словарей различны. Они и определяют весь характер словаря, все его стороны: лексический подбор, расположение материала, толкования значений, иллюстрации и т. д.

Главным и необходимым условием для правильного решения вопроса о лексическом составе словаря С. И. Ожегов считает следующее: «Основой для всех типов словарей должна являться богатая, разносторонняя картотека произведений художественной и не художественной литературы. Только хорошо продуманная картотека (разрядка наша. — А. Е.), учитывающая всех безусловно значительных по своему общественному влиянию авторов, может служить прочной базой для отбора слов в разные типы словарей» (указ. статья, стр. 95). Очевидно, картотека, которой располагал С. И. Ожегов при составлении своего одномтомника, была недостаточной и не могла послужить критерием для отбора лексики в словарь, поэтому не только первое издание, но и его переработка в отношении лексического состава опирались в значительной мере на четырехтомный словарь под ред. Д. Н. Ушакова. Об этом говорит пополнение второго издания просторечными, бранными, разговорными и т. п. словами, почерпнутыми из четырехтомного словаря<sup>20</sup>. Слова нейтральные черпаются в значительной мере из того же источника (например, *обзвонить*, *обезжирить*, *обеззаразить*, *обезземелить*, *обесцветиться*, *обесцениться*, *отчетный*, *отборочный*, *отводный*, *однотипный*, *одноклассник*, *организационный*). Действительно, новых слов немного. Например, на букву *О* во второе издание словаря введены: *облесполком*, *овецествовать*, (*овецествоваться*, *овецествовать*, *овецествоваться*, *овецествование*), *отчетно-выборный* и некоторые другие, отсутствовавшие в словаре под ред. Д. Н. Ушакова.

Недостаточно критичное следование за четырехтомным «Толковым словарем» в отношении словника привело к тому, что в словаре С. И. Ожегова оказалась целый ряд малоупотребительных сейчас слов (иногда и совсем неупотребительных) и слов с чрезвычайно незначительной общественной значимостью, например: «*Умастить... Намазать душистыми веществами. У. тело*»<sup>21</sup>; «*Глаголь... Старинное название буквы „г“*». В современном языке это — очень редкий архаизм. Интересно отметить, что несколько менее архаическое употребление слова *покой* — *покоем* в одномтомном словаре не дается. В советских исторических романах встречаются архаизмы самого различного типа и характера, используемые авторами как стилистическое средство, но краткий нормативный словарь современного русского языка не должен (и не может) включать их; в нем должны быть даны лишь те названия и термины далекого прошлого, которые вошли в словарный состав современного литературного языка в качестве спе-

<sup>20</sup> Как известно, четырехтомный словарь под ред. Д. Н. Ушакова содержит чрезмерное количество просторечных и иных слов, стоящих за пределами литературного языка. Неубедительно положение редактора Д. Н. Ушакова, что они помещены «не для пропаганды, а для борьбы с ними путем разъяснения их стилистических качеств». В приведенных выше «пополнениях» второго издания одномтомного словаря на букву *О* (см. сноску на стр. 54) все просторечные, бранные и т. п. слова взяты из словаря под ред. Д. Н. Ушакова, за исключением слова *обхохотаться* (*обхохотываться*).

<sup>21</sup> В словаре под ред. Д. Н. Ушакова слово *умастить* проиллюстрировано такой цитатой: *В ближайших термах я дал хорошему умастить свое тело*. Бросов.

циальных и терминологических слов исторической науки, потому что они обозначали явления и предметы, которые играли большую роль в развитии духовной и материальной культуры человека.

Категория слов — названий ( и прозвищ) по характерному признаку не должна быть представлена в словаре. Однако в одготомном словаре, в особенности во втором его издании, оказался ряд различных типов подобных слов, взятых С. И. Ожеговым из четырехтомного словаря. Например, во второе издание введено слово *чернушка*<sup>22</sup>, но слова *беланка* нет, хотя по значению и роли в языке оба они совершенно одинаковы. И в первом, и во втором изданиях словаря имеются слова *барбос* и *мучка*<sup>23</sup>, также попавшие в одготомник из словаря под ред. Д. Н. Ушакова.

## 4

Построение словарной статьи, выделение и формулировка значений определяются характером словаря, его задачами, поэтому они должны иметь существенные отличия в каждом из трех типов словарей, охарактеризованных С. И. Ожеговым в названной выше статье. «Средний» словарь представляет детальную разработку «исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка» (указ. статья, стр. 91—92), словарные статьи в нем содержат полную и подробную характеристику значений и оттенков значений, которые имеет слово в современном литературном языке. Детальная и подробная характеристика значений с их оттенками обуславливает формулировки выделенных значений и их взаимное соотношение в словарной статье.

«Краткий» одготомный словарь не должен и не может дать детальной и подробной разработки смыслового содержания слова, в нем должны быть представлены существенные и наиболее общие значения без выделения оттенков и деталей, поэтому формулировки значений должны быть такими, чтобы охватить и то, что выделяется в качестве «оттенков» в «среднем» словаре. Следовательно, не только самые формулировки, но и их соотношения в словарной статье одготомного словаря должны иметь существенные отличия по сравнению со «средним» словарем. На практике мы этого не обнаруживаем. Отказавшись в одготомном словаре от деления на значения и оттенки, С. И. Ожегов в ряде случаев превращает оттенки, которые даны в четырехтомном словаре под ред. Д. Н. Ушакова, в самостоятельные значения, например:

В словаре под ред.  
Д. Н. Ушакова:

## Обеспечить...

1. Предоставить кому-н. достаточные материальные средства к жизни. || Снабдить чем-н. в потребных размерах.
2. Гарантировать, сделать что-н. верным, несомненным. || Оградить, предохранить от чего-н.

В словаре С. И. Ожегова:

## Обеспечить...

1. Предоставить достаточные материальные средства к жизни.
2. Снабдить чем-н. в нужном количестве.
3. Сделать вполне возможным, действительным, несомненным.
4. Оградить, охранить (устар.).

Сокращение и переработка словарных статей четырехтомного словаря часто сводится к простому исключению отдельных значений или их от-

<sup>22</sup> Ср. в словаре С. И. Ожегова и в словаре под ред. Д. Н. Ушакова статьи на эти слова.

<sup>23</sup> Слово *барбос*, отсутствовавшее в других словарях, было включено в словарь под ред. Д. Н. Ушакова на основании переносного употребления его (грубый человек; разг.), изредка встречающегося и в настоящее время. Включая слово *барбос* в свой словарь, С. И. Ожегов снял переносное употребление и этим самым снял основание, по которому это слово было введено в четырехтомный словарь под ред. Д. Н. Ушакова (имена собственные различных типов в словарь не включаются).

тенков, причем формулировки других значений по существу остаются без изменений, и таким образом происходит нарушение того смыслового членения, которое было дано в четырехтомном словаре, так как из него механически вычеркиваются отдельные составные части. Такая «переработка» иногда приводит к тому, что из словарной статьи исчезают существенные значения, а оставленные в статье значения в их формулировках не охватывают смыслового содержания слова. Это с большой силой выступает в иллюстрациях, которые часто противоречат значению или не вяжутся с ним, потому что во многих случаях они почерпнуты автором из четырехтомного словаря, где были приведены к значению, исключенному в одготомнике.

В словаре под ред.  
Д. Н. Ушакова:

#### Обновить:

1. Заменить (негодное, устаревшее) чем-н. новым. || Изменить, пополнить внесением нового. *О. состав труппы. О. инвентарь.*
2. Изменить введением новшеств, устроить по-новому, реформировать.
3. Восстановить, произвести ремонт, починку чего-н. (разг.). *О. крышу.*
4. Освежить, оживить, придать новую силу чему-н. *О. свои знания.*
5. Впервые употребить, применить какую-н. новую вещь, воспользоваться чем-н. новым (разг.). *О. пальто. О. путь, дорогу.*

В словаре С. И. Ожегова:

#### Обновить...

1. Заменить (негодное, устаревшее) чем-н. новым.
2. Восстановить, поправить. *О. мебель. О. свои знания.*
3. Впервые употребить, применить какую-н. новую вещь (разг.). *О. платье.*

В некоторых случаях автор вносит более серьезные изменения: он не только исключает отдельные значения, но меняет их порядок, однако и при этом он остается в пределах того членения значений, которое было дано в словаре под ред. Д. Н. Ушакова (см., например, слово *дело*). Действительной переработке подверглась относительно небольшая часть словарных статей.

Свое внимание С. И. Ожегов сосредоточивает на исправлении и уточнении формулировок отдельных значений слова, данных в словаре под ред. Д. Н. Ушакова (а также в первом издании одготомного словаря), добиваясь во многих случаях больших результатов. Особенно серьезные изменения внесены автором в определения общественно-политических и научных, а также технических и иных терминов. Автор много работает над выработкой однотипных определений для различных тематических групп лексики (названия животных, растений и т. п.).

К сожалению, далеко не всегда С. И. Ожегов пересматривает и проверяет определения значений, данные в четырехтомном словаре, на основании современного употребления слов, поэтому в ряде случаев формулировка, перенесенная из словаря под ред. Д. Н. Ушакова (буквально совпадающая или уточненная С. И. Ожеговым), не охватывает тех значений, которые в настоящее время имеет слово. Например, прилагательное *буровой* определяется так: «Сделанный посредством бурения. *Буровая скважина*». Это определение не годится для прилагательного *буровой* в таких современных сочетаниях, как *буровой мастер*, *буровой агрегат*. Слово *намыв* объясняется так: «Земля у берега, намытая водой», а о слове *забой* сказано: «В шахте: постепенно продвигающийся в ходе работ конец горной выработки, являющийся рабочим местом горняка». В настоящее время этих объяснений уже недостаточно. Ср., например, такую фразу: «Землесосный снаряд „300—40“ № 23 в забое за рытьем строительного канала и

*намывом* верхней *перемычки котлована* Каховской ГЭС»<sup>24</sup> (курсив наш. — А. Е.). Иногда формулировка, заимствуемая из словаря под ред. Д. Н. Ушакова, содержит ошибку, которую следовало бы исправить. Например, в однотомном словаре мы находим: «Шериф<sup>1</sup>... В Англии и США: административное, и судебное должностное лицо в графстве». В США, как известно, графств нет; «Нетто... Без тары и упаковки (о весе товара)». Но ведь тара и есть упаковка (см. слово *тара*; ср. также в словаре под ред. Д. Н. Ушакова).

Стремясь к наибольшей краткости, С. И. Ожегов, кроме того, часто недостаточно внимательно сокращает определение, данное в четырехтомном словаре, отсекая его существенные части; например, слово *баядерка*, объясняется так: «В дореволюционном театре: восточная танцовщица» (ср. определение в словаре под ред. Д. Н. Ушакова). См. также: «Камень... Твердая горная порода кусками или сплошной массой, а также кусок, обломок такой породы. *Бросаться камнями. Драгоценные камни*». Но ведь не всякая «твердая горная порода» есть камень; например, руда (железная, медная и др.) тоже твердая горная порода, но камнем не является. Определение неточное и потому неправильное. Оно представляет собой неудачное сокращение и объединение двух значений этого слова, приведенных в четырехтомном словаре.

«Скрипка... Четырехструнный смычковый музыкальный инструмент высокого тембра». Но ведь слово *тембр* и по определению словаря означает характерную окраску звука у инструмента, сообщаемую ему обертонами, призвуками. Тембр — оттенок звука. Поэтому сказать *высокий тембр* нельзя (ср. в словаре под ред. Д. Н. Ушакова).

«Нота<sup>1</sup>...1. Графическое изображение музыкального звука, а также самый звук. *Взять высокую ноту. Н. неудовольствия в голосе* (перен.). 2. *мн.* Текст музыкального произведения, графически изображенный. *Играть по нотам. Говорить как по нотам* (перен.: как будто по заранее подготовленному). 3. *перен.* Оттенок, тон речи, выражающий какое-н. чувство. *Н. неудовольствия в голосе*». Разве можно графически изобразить звук? Отметим, что одна и та же иллюстрация — *Н. неудовольствия в голосе* — дана и для первого, и для третьего значений.

«Сенсуализм... Философское направление, признающее ощущения единственным источником познания. *Последовательный с. рассматривает ощущения как отражение объективной реальности*». Такая иллюстрация может ввести читателя в заблуждение, так как она дает повод считать сенсуализм материалистическим учением. Между тем «исходя из ощущений, можно идти по линии субъективизма, приводящей к солипсизму („тела суть комплексы или комбинации ощущений“), и можно идти по линии объективизма, приводящей к материализму (ощущения суть образы тел, внешнего мира)»<sup>25</sup>.

Неправильных и неточных определений значений слов много, и при подготовке последующих изданий их надо переработать. Укажем, что автор не всегда соблюдает правило: давать толкования только при помощи тех слов, которые имеются в словаре. Например, слово *солнцестояние* определяется так: «Момент, когда солнце проходит через наиболее удаленную от небесного экватора точку эклиптики». Но слова *эклиптика* читатель в словаре не найдет.

<sup>24</sup> Подпись под иллюстрацией в «Литературной газете» 12 августа 1952 г.

<sup>25</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 114.

К числу вопросов, имеющих принципиальное значение при составлении словаря, принадлежит вопрос об омонимах. Теоретически почти не разработанный, этот вопрос в словарной практике решался различно, но каждый последующий словарь представлял новую ступень в его решении. Во введении С. И. Ожегов пишет: «Во многих случаях омонимы выделены в самостоятельные слова на основе более широкого, чем обычно в словарях, понимания омонимии» (стр.3)<sup>26</sup>.

Нельзя не согласиться с автором, что вопрос об омонимии является «одним из серьезных и сложных вопросов словарной практики», но именно сложность и серьезность его требовала особенно осторожного подхода в «строго нормативном» кратком словаре, который во всех своих сторонах является директивным. Увеличение словника за счет омонимов (в словаре многие слова разделены на 2, 3 и даже 4 слова), а также сам факт выделения омонимов не может не вызвать вопроса у читателей о том, что же следует понимать под словом и что такое значение слова. Этот вопрос становится особенно острым, поскольку принципы выделения омонимов не всегда ясны, довольно разнообразны и очень непосредственно применяются автором. Остановимся на некоторых примерах.

1. Одним из принципов выделения омонимов в однотономном словаре является обособление значения слова в силу его специализации и употребления в качестве термина. Даже в тех случаях, когда смысловая связь специализировавшегося терминологического значения с прочими значениями данного слова совершенно ясна, С. И. Ожегов выделяет терминологическое значение в отдельное слово (см. статьи на слова *настройка*, *класс*, *транспорт*, *фаза* и т. п.). Однако в других случаях, когда специальные, терминологизировавшиеся значения расходятся с прочими значениями и имеют не меньшее право на выделение их в отдельное слово, С. И. Ожегов дает их в качестве значений слова, а не отдельных слов, например: «**Балансировать**...1. Сохранять равновесие посредством телодвижений... 2. Подводить баланс» (см. также статьи на слова *ремонт*, *луцить* и др.).

Выделяя в самостоятельное отдельное слово специализированное, терминологическое значение, автор часто забывает словообразовательные особенности языка, видовые и иные соотношения; поэтому нередки такие случаи, когда один из глаголов разделяется на два слова, а другой, содержащий то же значение в числе других (и часто являющийся видовым соответствием), не разделяется. Например: «**Лить**<sup>1</sup>... 1. Заставлять течь что-н. жидкое... 2. Литься, струиться (разг.)»; «**Лить**<sup>2</sup>... Делать, изготавливать что-н. из расплавленного вещества»; «**Вылить**... 1. Удалить (жидкость)... 2. Изготовить литьем, отлить»; «**Отлить**<sup>1</sup>... Вылить часть жидкости из чего-н... || несов. *отливать*... сущ. *отлив* (спец.)»; «**Отлить**<sup>2</sup>... Изготовить литьем... || несов. *отливать*... сущ. *отливка*» (см. также статьи на слова *тискать* и *оттиснуть*).

Если все значения слова терминологичны, то автор в ряде случаев идет по пути выделения их в самостоятельные слова, например: «**Опока**<sup>1</sup>... Рама с земляной литейной формой» и «**Опока**<sup>2</sup>... Плотная кремнистая порода, богатая кремнеземом»; «**Подзол**<sup>1</sup>... Непогодородная серовато-белая почва без солей» и «**Подзол**<sup>2</sup>... Смесь золы с известью для вытравли-

<sup>26</sup> К сожалению, в статье «О трех типах толковых словарей...» С. И. Ожегов не раскрыл своей точки зрения по этому вопросу. Здесь говорится лишь о том, что принципы выделения омонимов в словарях различного типа должны быть разными (стр. 100—101).

вания шерсти со шкуры» (см. также статьи на слова *подзор*, *эллипс* и др.). Однако в других случаях автор объединяет разные термины в одном слове, например: «**Индукция**... 1. Способ рассуждения от частных фактов, положений к общим выводам... 2. Возбуждение электрического тока в каком-н. проводнике при движении его в магнитном поле или изменении вокруг него магнитного поля» (см. также статью на слово *диафрагма* и др.).

2. Продолжая эту линию, С. И. Ожегов приходит к выделению омонимов на основе разности предметов, обозначаемых одним словом, например: «**Дождевик**<sup>1</sup>... Шарообразный гриб с мякотью внутри, превращающейся при высыхании в темную пыль» и «**Дождевик**<sup>2</sup>... (разг.). Пальто из непромокаемой ткани»; «**Рогач**<sup>1</sup>... Жук с верхними челюстями в виде рогов», «**Рогач**<sup>2</sup>... Самец-олень (или другое животное) с рогами» и «**Рогач**<sup>3</sup>... (обл.). Большой (?! — А. Е.) ухват» (см. также статью на слово *кожан* и др.). Однако здесь автор крайне непоследователен, в других — подобных — случаях давая под одним словом не менее различные его применения: «**Бостон**... 1. Карточная игра. 2. Сорт шерстяной ткани. 3. Название танца» (см. также статью на слово *глазок* и др.).

3. Основанием для выделения омонимов оказывается и метафорическое перенесение значения, главным образом в двух случаях: а) метафорическое применение слова для названия предмета, явления, ограниченного какой-либо специальной областью (т. е. образование термина)<sup>27</sup>; б) экспрессивный перенос значения, при котором различные применения слова чрезвычайно далеки друг от друга. Но и здесь (как в первом, так и во втором случае) нельзя понять, где действительный критерий для разделения одного слова на два и на три самостоятельных слова. Приведем примеры.

а) В качестве отдельных слов даны: «**Молния**<sup>2</sup>... Вид особо срочной телеграммы» и «**Молния**<sup>3</sup>... Род металлической задергивающейся застежки»; «**Таз**<sup>2</sup>... Часть скелета...»; «**Зонтик**<sup>2</sup>... Соцветие...»<sup>28</sup>; «**Улитка**<sup>2</sup>... (спец.). Часть лабиринта уха...»; «**Стремя**<sup>2</sup>... (спец.). Косточка, примыкающая к овальному отверстию среднего уха». Но не разделены слова *молоточек* (в котором без всякой пометы дано третье значение: «одна из слуховых косточек среднего уха»); *родник* (в котором вторым значением дано: «у животных: сосуд, по которому идет молоко в вымя»), *салазки*, *поток*, *капуцин* и многие другие.

б) В качестве отдельных слов даны: «**Отколоть**<sup>3</sup>... (прост.). Сделать или сказать (что-н. неуместное, неожиданное и т. п.)»; «**Жарить**<sup>2</sup>... (прост.). Употр. для обозначения быстрых, энергических действий». Но не разделены слова *отмочить* (в котором третье значение: «сказать или сделать что-н. нелепое, неприличное» — не менее далеко от других, чем в слове *отколоть*, разделенном на три омонима), *дуть* (в котором пятое значение «делать что-н. быстро, стремительно» находится в таких же отношениях к другим, как и выделенное в особое слово *жарить*<sup>2</sup>), *драть* (седьмое значение: «бежать быстро») и т. п.

4. В однотомном словаре автор широко выделяет омонимы на основе разрыва, утраты связей между отдельными значениями (в результате самых различных причин). Так, слово *язык* представлено в виде четырех омонимов, *корпус* — тоже и т. д. В этом случае автор особенно непоследователен, так что действительные омонимы часто оказываются данными в одном слове, а отдельные значения представлены в разных словах. Например, в словарной статье к слову *заводчик* даются такие значения,

<sup>27</sup> В этом случае С. И. Ожегов продолжает и расширяет путь, на который стали составители словаря под ред. Д. Н. Ушакова.

<sup>28</sup> Наибольшее число омонимов дано в тех случаях, когда слово с уменьшительным значением, будучи применено в качестве названия того или иного предмета, теряет значение уменьшительности.

как: «1. Капиталист, владелец завода» и «2. Зачинщик (разг. устар.)»<sup>29</sup>; в слове *добреть* объединены значения: «1. Становиться добрее, добродушнее» и «2. Толстеть, становиться упитанным» и т. д. С. И. Ожегов не учел в нужной степени выдвинутый еще в словаре Грота-Шахматова принцип выделения омонимов на основе омонимии глагольных префиксов<sup>30</sup> и в подавляющем большинстве случаев следует за четырехтомным словарем.

В качестве омонимов С. И. Ожеговым выделены: «**Забрызгать**<sup>1</sup>... **Покрыть брызгами**» и «**Забрызгать**<sup>2</sup>... **Начать брызгать**»; «**Заходить**<sup>1</sup>... **Начать ходить**» и «**Заходить**<sup>2</sup>... см. **зайти**»; «**Насадить**<sup>1</sup>... 1. Поместить куда-н... 2. Произвести посадку чего-н...» и «**Насадить**<sup>2</sup>... **Надеть на что-н.**» и т. п. Но в то же время даются в виде одного слова: «**Задуть**... 1. Дунув, погасить. 3. *свечу*. 2. Разжечь (спец.) 3. *домну*. 3. **Начать дуть**. *Задул ветер*»; «**Зажить**... 1. Затянуться кожей, закрыться (о ране). 2. Начать вести какую-н. жизнь. 3. *по-хорошему*» и т. д.

Таким образом, надо признать, что С. И. Ожегов не дал удовлетворительного решения вопроса об омонимах в современном языке, в ряде случаев спутав границы между словом и значением слова. Вопрос о более широком выделении омонимов можно будет практически решить лишь тогда, когда будет удовлетворительно решена основная проблема об отношениях между отдельным словом и значением слова. Став на путь «более широкого понимания омонимии» в словаре, С. И. Ожегов должен был дать краткое объяснение или изложение своих принципов, чтобы не вызывать недоумения читателей.

## 6

Важным вопросом для толковых словарей русского языка является вопрос фразеологии, как с точки зрения объема и характера ее отражения в словаре, так и с точки зрения ее места в словарной статье. Особенно трудным является этот вопрос для краткого словаря, который по своему объему не может охватить всего материала. Но идиоматические обороты и типические устойчивые образные выражения должны быть представлены даже в кратком словаре с возможной полнотой, потому что в них с большой силой и яркостью проявляется национальное своеобразие языка.

Фразеология представлена в одномомном «Словаре русского языка» достаточно широко. Автор отбирает наиболее употребительные выражения и обороты, исключая из приведенных в словаре под ред. Д. Н. Ушакова устарелые и областные. Здесь можно указать лишь немногие пропуски: *Не показывать (показывать) вида, что...*, *Смотреть в лицо чему-нибудь* и некоторые другие.

В первом издании одномомного словаря С. И. Ожегов отказался от принципа расположения фразеологического материала в конце словарной статьи, принятого в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, и разместил фразеологию под разными значениями в качестве иллюстраций к последним (вслед за иллюстрирующими словосочетаниями или предложениями, если они приводятся), но с дополнительными пояснениями, данными в скобках после каждого выражения, например: «**Глаз**... 1. Орган зрения, а также само зрение. *Правый г. Верный г. Болезнь глаз. С глаз долой* (об уходе кого-н.). *Смотреть глазами кого-н.* (перен.: не иметь собственного мнения). *Во все глаза глядеть* (перен.: очень пристально, с жадным вниманием)» и т. д.

В конце статьи за знаком  $\diamond$  изредка приводились: а) сложные термины (например, *земский начальник, казенная палата* и т. п.), б) сложные союзы

<sup>29</sup> Ср. построение словарных статей к слову *загод*.

<sup>30</sup> В словаре под ред. Д. Н. Ушакова этот принцип также применяется очень непоследовательно.

и наречия (например, *как будто, как бы, как раз* и т. п.), в) единичные фразеологические обороты из тех, которые нельзя связать с тем или иным значением слова (см., например, статьи на слова *голова, гора, дух, лицо, корень, масса, мох* и т. д.). При таком размещении фразеологического материала и при почти полном отсутствии иллюстраций к значениям фразеологические обороты превращались в иллюстрацию и заслоняли собой обычное употребление слова.

Вполне понятно стремление автора показать то или иное слово в наиболее метком и ярком употреблении его в языке, но в качестве иллюстраций к отдельным значениям могут быть привлечены лишь такие устойчивые сочетания, пословицы, поговорки, в которых сохраняется данное значение слова. Что касается фразеологических оборотов, значение которых не подходит ни под одно из значений того или иного слова, то лексикографическая практика располагает самыми различными способами их выделения в словарной статье (шрифт, особые знаки и т. п.).

При переработке однотомника для второго издания С. И. Ожегов произвел перераспределение фразеологического материала, хотя содержание параграфов, дающих объяснение к фразеологии и помещенных во введении, несколько не изменилось. В них говорится: «После толкования значений и примеров, если они есть, даются за значком  $\diamond$  жирным шрифтом фразеологические сочетания, устойчивые выражения. Здесь помещаются только такие выражения, общее значение которых не определяется непосредственно значением данного слова. Такие фразеологические сочетания сопровождаются особым толкованием»<sup>31</sup>. Таким образом, принцип остался без изменения, а изменилась, очевидно, классификация фразеологического материала. Во втором издании в конце статьи за знак  $\diamond$  оказались вынесенными многие сочетания, которые в первом издании иллюстрировали отдельные значения слов. Так, в статьях на слова *глаз* и *рука* в первом издании нет ни одного сочетания за знаком  $\diamond$ , в статье на слово *голова* указаны лишь два (*В головах* и *В первую голову*), тогда как во втором издании на слова *глаз* и *голова* в конце статьи приводится по 15—16 сочетаний на каждое, а на слово *рука* — больше 50. Дав в указанных параграфах классификацию фразеологического материала по смысловому признаку и по расположению в словаре, автор далее с ней совершенно не считается и запутывает читателя. Полное недоумение вызывает различное расположение однородного материала в одной и той же статье. Например, в статье на слово *душа* вынесены в конец статьи *В душе, Для души, За душой нет*, как «выражения, общее значение которых не определяется непосредственно значением данного слова», а сочетания *Души не чаять, Жить душа в душу, Ответи душу, Стоять над душой* приведены в качестве иллюстраций к отдельным значениям.

Производя перераспределение фразеологического материала, автор непосредствен и часто в разных статьях различно решает вопрос об однородных явлениях. Например, сочетание *Год от году* приведено в качестве примера на первое значение слова, а сочетание *Час от часу* вынесено в конец статьи. Распределение фразеологического материала при слове *нога* отличается от распределения его при слове *рука* и т. д. Трудно понять такое обращение с фразеологическим материалом, который рассматривается то как идиоматика, то как иллюстрация к значению.

Однотомный нормативный словарь по самому своему типу требует предельной ясности в области фразеологии, как и во всех других сторонах.

<sup>31</sup> См. в первом издании § 20 (стр. IX), во втором — § 21 (стр. 6).

\*

Вопрос о различных типах словарей является одним из важнейших вопросов лексикографии, на что указывал еще Л. В. Щерба<sup>32</sup>. Любой словарь языка — большое и сложное научное предприятие, в котором должны быть решены многие принципиальные вопросы как общего, так и частного характера. В статье мы коснулись лишь некоторых вопросов выработки типа краткого нормативного словаря советской эпохи<sup>33</sup>. Однотомный толковый «Словарь русского языка», благодаря своему массовому характеру, имеет совершенно исключительное значение в борьбе за культуру речи, за правильность и чистоту нашего языка. Поэтому к нему должны быть предъявлены особенно высокие требования. Нельзя полностью согласиться с Н. Ю. Шведовой, которая в рецензии на первое издание словаря считает, что он содержит лишь частные ошибки и недоработки, а в целом отвечает «всем требованиям советской лексикографической науки».<sup>34</sup>

Словарь несомненно сыграл положительную роль в развитии отечественной лексикографической теории и практики, но для того, чтобы он действительно отвечал «всем требованиям» советской лексикографии, автор словаря должен еще много сделать по уточнению и окончательной выработке его основных положений.

---

<sup>32</sup> См. Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии, «Известия АН СССР. Отделение лит-ры и языка», М., 1940, № 3, стр. 89—117.

<sup>33</sup> Неосвещенными остались два очень важных вопроса: 1) вопрос об отражении в словаре лексико-грамматических отношений, который связан не только с проблемой грамматической характеристики слов, но и с проблемой грамматико-смысловых связей, а также с проблемой гнездования, и 2) вопрос о стилистических пометах в словаре. Как тот, так и другой вопросы требуют привлечения дополнительного материала и углубленной разработки, поэтому должны быть освещены в специальных статьях на эти темы.

<sup>34</sup> Н. Ю. Шведова, указ. рец., стр. 99.